

ББК 60.561.53

М. М. Леонов

ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Предметом данного исследования станет отношение светского общества к покровительству, возникавшему на фундаменте внебрачных связей («интимному покровительству»). Речь пойдет о том, как это явление вписывалось в светскую жизнь и как оно осмысливалось с позиций нравственности и морали.

Общей проблемой научных работ, касающихся столь щекотливых вопросов, является дефицит надежных источников. Переписка, дневники и мемуары современников полны недомолвок, а иногда и недостоверных сведений. Чтобы расширить горизонты исследования, целесообразно опереться на художественную литературу, как образчик рефлексии светского общества. Из-под пера русских и зарубежных авторов вышло множество романов о нравах «большого света». Знаменитые французские писатели Шодерло де Лакло, Оноре де Бальзак, Александр Дюма-сын и другие не понаслышке были знакомы с аристократическим бытом и феноменом внебрачных отношений. Должное внимание этим темам уделяли величайшие из русских писателей, в частности граф Л. Н. Толстой.

Авторы так называемых «великосветских романов» — граф В. А. Соллогуб, графиня Е. П. Ростопчина, князь В. П. Мещерский — благодаря происхождению, с молодых лет существовали в водовороте светских раутов. Их романы были ориентированы на широкий круг читателей, включая тех, кто вовсе не был знаком с аристократическим бытом. Поэтому писатели детально разъясняли логику салонных отношений. Сюжеты произведений зачастую брались из жизни, отдельные герои имели прототипов (например, в центральном персонаже повести В. А. Соллогуба «Большой свет» Михаиле Леонине современники угадали М. Ю. Лермонтова).

По меткому выражению Оноре де Бальзака, светское общество XIX в. жило «напоказ». Репутация отдельного лица отражалась на престиже целого семейства, поэтому понятию чести уделялось особое внимание. Социальный контроль, неусыпно осуществлявшийся светским обществом, с одной стороны, и стремление аристократа при любых условиях сохранить лицо — с другой, делали внебрачные связи крайне болезненным и деликатным вопросом.

В аристократической среде, как, впрочем, и у других сословий, большое внимание уделялось целомудрию девиц. Считалось, что до момента вступления в брак женщина должна оставаться невинной. Такие представления обусловили жесткий контроль над поведением и кругом общения девушек на вы-

данье. Их отношения с мужчинами протекали под наблюдением родственников и редко выходили из пределов платонической любви.

Брак кардинально менял положение женщины. Формально она переходила под покровительство мужа, без разрешения которого не могла, например, получить паспорт и выехать за границу. Однако на практике ей предоставлялась значительная свобода. Аристократки принимали у себя, выезжали в свет и посещали театры, причем сопровождающим лицом вовсе не обязательно был законный супруг. Ухаживание за замужними было в порядке вещей. По воспоминаниям князя М. В. Голицына, на великосветских балах его товарищи заводили «серьезные романы», не особо стесняясь наличием мужей. «Я вспоминаю, что мой друг Шиллинг усиленно увлекался М. В. Катковой, рожденной Щербатовой, и где только мог танцевал или виделся с ней, но без всякой взаимности, — писал Голицын. — ...Друживший со мною Александр Салтыков, ухаживавший сначала за многими из выезжавших барышень, бросил всех и увлекся некоей замужней дамой Комаровой, кажется, бывшей певицей, и впоследствии даже женился на ней, к большому скандалу высшего света» [4, с. 120].

Конечно, подобные отношения таили в себе опасность. Неосторожные шаги могли привести к «большому скандалу», как в истории Салтыкова и Комаровой. Злые языки были падки на пересуды о внебрачных связях того или иного знакомого, однако серьезная угроза для репутации появлялась лишь в том случае, когда в руки недоброжелателей попадали доказательства супружеской измены. Компрометация женщины осуществлялась много проще, чем мужчины: подсмотренная сцена свидания, любовная переписка, эскапады обманутого мужа гарантированно вели к общественному порицанию. Ярлык «непорядочной» обуславливал социальную изоляцию: даму переставали посещать и принимать у себя, в ней видели угрозу нравственности «порядочных» женщин, а особенно девиц.

При этом важно отметить, что светское общество XIX в. проявляло гибкость в вопросах морали. Если неопровержимые доказательства измены могли серьезно подмочить или вовсе уничтожить репутацию человека, то при сохранении внешних приличий, т. е. в отсутствие скандалов, на любовные интрижки смотрели снисходительно.

И этим пользовались. Иные из «порядочных» замужних женщин, так называемые «светские львицы», не только допускали, но и поощряли ухаживания. Не каждая красавица-аристократка становилась «львицей»; требовались еще значительное состояние, независимый характер и претензия на успех. Без «львиц» не обходилось ни одно шумное собрание. Они охотно принимали у себя, среди них было много хозяек салонов. Светский этикет не возбранял ухаживаний за «львицей» и даже вменял гостям в обязанность расточать ей комплименты. Салонные альбомы пестрели похвалами красоте, обаянию, музыкальному или литературному таланту хозяйки.

«Светские львицы» предпочитали мужское общество. Каждая из них была окружена плеядой кавалеров, проводивших целые дни в ее доме и «обожавших» ее. Чем больше блистательных ухажеров собиралось в гостиной, тем выше был престиж «львицы» [16, с. 94]. Гости были посвящены в детали семейной жизни, знали мысли и чувства хозяйки. Обычай «обожания» подразумевал

романтические отношения, не переходящие границ платонической любви; возникавшие связи интимного плана тщательно камуфлировались.

Наряду с понятием «львица» существовало и понятие «лев», применявшееся в отношении любвеобильных светских франтов. Впрочем, «львы» и «львицы» редко составляли семейные пары. Куда чаще мужей светских «львиц» называли «ослами» [9]. Как правило, в эту категорию попадали добродушные и слабохарактерные люди, уступившие главенство властной жене и примирившиеся со своим положением. К числу послушных мужей принадлежал А. И. Пономарев, супруг С. Д. Пономаревой. По вечерам в салоне собирались гости, и жена «устраняла» благоверного «простейшими средствами»: угощала алкоголем и отправляла спать [3, с. 234]. Однако среди мужей «львиц» также встречались предприимчивые люди, умевшие извлекать пользу из своего положения. Благодаря успеху жены такой супруг приобретал значимые социальные контакты, возможности для обогащения или карьерного роста. В дневнике А. В. Богданович зафиксирована сплетня о подобном альянсе. По ее словам, генерал А. Н. Куропаткин увлекся мадам Мулен (m-me Moulin), женой французского военного атташе в Петербурге. Ловкий муж воспользовался этим и вместе с женой убедил Куропаткина заказать пушки для русской армии в обход Артиллерийского ведомства. «Заказ был сделан, пушки доселе не получены, а деньги были уплачены», — утверждала Богданович [1, с. 166].

Особую остроту проблеме внебрачных связей придавала сложность оформления развода. Брак, заключенный в церкви, рассматривался как союз на всю жизнь. Между тем многие пары через несколько лет, а то и месяцев после свадьбы сталкивались с проблемой супружеской неверности. Зачастую напряжение снималось путем разъезда супругов. Иллюстрацией может послужить история женитьбы Ивана Михайловича Голицына, занимавшего должность гофмаршала при Александре II. В 1861 г. он взял в жены княжну А. Н. Трубецкую, любительницу роскоши и увеселений. За несколько лет она растратила состояние мужа, бросила его и выехала за границу. Голицын остался в Петербурге, но жил отныне очень скромно, поскольку из его жалования делались вычеты в пользу кредиторов жены [4, с. 68—69]. Таким образом, формально брак сохранился, но приобрел фиктивный характер. Супруги обустраивали личную жизнь по отдельности.

Распространенность любовных интрижек давала современникам хороший повод для иронии. Е. П. Ростопчина предлагала обложить специальным налогом «огненные выражения страсти» и «святые обеты верности», щедро расточавшиеся светскими сердцеедками [18, с. 104—105]. Чем можно объяснить масштабную, хотя и не всеобщую страсть к адюльтеру? Дело в том, что понятия «брак» и «любовь» мыслились раздельно. При заключении брака во главу угла ставились социальный и имущественный факторы; взаимным же симпатиям будущих супругов внимание уделялось не всегда. Как следствие, мужчины порой «женились на деньгах», а женщины выходили за малознакомого и неприятного человека. Вот почему светское общество, в принципе, не считало любовь вне брака аморальной.

Разумеется, в отдельных случаях к изменам могли подтолкнуть и другие причины. Встречались, например, неутомимые любовники, заводившие одну

связь за другой, уезжавшие в поисках амурных приключений за границу, бросающие своих детей. Такие люди есть всегда, но их немного. Большинство цепко держалось за «собственную» любовь. Это породило неожиданные на первый взгляд метаморфозы супружеских отношений, обусловило существование устойчивых «любовных треугольников».

В романе «Отец Горио» Бальзак блестяще проанализировал логику «треугольника». Отец выдал двух дочерей за аристократов. Вскоре после свадьбы каждая завела любовника, причем отец потакал их счастью, устраивая квартиру для свиданий. По мере того как разгорались внебрачные отношения, угасали законные. Одна из дочерей призналась, что муж был отцом лишь первого ее ребенка; другая заявляла, что только крайняя нужда в деньгах заставила бы ее войти в спальню супруга. Отношения с любовниками были диаметрально противоположными. От них требовали верности, их стремились удержать, о них заботились до такой степени, что одна из дочерей не постеснялась окончательно разорить отца, лишь бы оплатить карточный долг возлюбленного.

Светская жизнь не скупилась на подобные сюжеты. Как и всякое социальное явление, интимное покровительство несло отпечаток индивидуальности действовавших лиц, и потому конкретные его примеры, будучи схожи по существу, значительно разнились в деталях. Наиболее распространенными были содействие в карьере и финансовая помощь.

Примечательной особенностью интимного покровительства было стремление покрепче привязать близкого человека к себе. Например, известный меценат С. И. Мамонтов сошелся с певицей Т. С. Любатович; эта связь вскоре разрушила его семейную жизнь. В 1885 г. в Москве была основана частная опера, причем современники полагали, что Мамонтов пошел на это ради «прославления своей любовницы» [17]. Для нашего исследования несущественно, была ли забота о Любатович единственным мотивом создания театра; важно то, что Мамонтов не просто содействовал карьере своей возлюбленной, но и получил контроль над ней.

Обсуждая тему контроля в рамках интимного покровительства, хотелось бы сослаться на анекдотичный эпизод, рассказанный А. В. Богданович. Один «прелюбодейный» чиновник, занимавший значительный пост, за казенный счет устраивал своим любовницам путешествие в Париж. Для этого он оформлял их агентами полиции. Однако, сомневаясь в женской верности, он отправлял следом настоящих сыщиков, наблюдавших за поведением фавориток [1, с. 181].

Покровительство предполагает неравенство. В приведенных примерах один из партнеров, обладавший большими финансовыми возможностями или социальным капиталом, содействовал успехам другого или просто наделял его деньгами. Мотивы интимного покровительства, по-видимому, следует искать скорее в филантропических побуждениях старшего партнера, нежели в практическом расчете.

Интимное покровительство могло дать старт головокружительной карьере. По словам А. А. Половцова, именно любовная связь позволила выбиться в люди Валериану Дмитриевичу Мартынову. В молодости Мартынов служил казачьим офицером в глухой провинции. Ему повезло: он приглянулся О. И. Чертковой, жене генерала М. И. Черткова, и та просила мужа взять Мар-

тынова в адъютанты. Чертков имел неосторожность уступить. Завязавшийся роман получил огласку и привел к «скандалу в семействе». Влиятельные родственники Черткова поспешили удалить Мартынова и добились его перевода в адъютанты престолонаследника. Так, волею судьбы провинциальный офицер обрел высокое положение. По отзыву Половцова, в столице многие испытывали «отвращение» к Мартынову, толковали «о денежных его злоупотреблениях». Однако эти пересуды не слишком повредили его карьере. Мартынов получил генеральские эполеты, сменил несколько крупных должностей и был назначен в Сенат [13, с. 372—373].

Любовный роман мог побудить к покровительству, но и напротив, акт покровительства мог обернуться началом романа. Герой подобной истории, князь Е. Н. Трубецкой, принадлежал к числу гостей салона М. К. Морозовой. Молодая вдова и наследница большого состояния, Морозова благоволила к нему. В годы первой русской революции она взяла на себя роль патрона: Трубецкой получал от нее финансовую помощь для своей газеты [10, л. 2, 4, 5]. Поначалу их переписка носила деловой характер. Однако постепенно между строк стала проглядывать взаимная симпатия. Трубецкой был женат, поэтому из-под его руки выходили два сорта писем: первые, просматривавшиеся супругой, были составлены в официальном ключе; вторые, передававшиеся тайно, пестрели романтическими фразами: «милая, дорогая, хорошая», «как сильно я радуюсь Вас видеть», «много раз целую Ваши руки» [10, л. 12]. Вскоре князь Трубецкой сделал попытку к сближению, обосновывая это тем, что «чувство с обеих сторон слишком горячо» [10, л. 32—33]. Морозова ответила взаимностью. Ее письма к князю были полны любовных признаний: «дорогой мой, ангел мой, жизнь моя! ...Как я тебя люблю, как я тебя обожаю!» [11, л. 6—6 об.]. Однако молодую вдову, по-видимому, не устраивало положение любовницы; она приняла попытку вырвать Трубецкого из семьи.

Морозова старалась убедить возлюбленного, что его жена, Вера Александровна Трубецкая, не соответствует его интеллектуальному уровню и неспособна составить его счастье. В одном из писем говорилось: «С В. А. у тебя никакого обмана нет, есть полная возможность дружбы. <...> Неужели вы оба думаете, что такие огромные силы, какие поднялись в тебе, можно задавить? <...> Не понимает-ли В. А., что ты можешь заболеть от такой душной жизни?» [11, л. 26—27 а]. Нажим не дал немедленного результата. Тогда соперницы перешли к позиционной войне под маской женской дружбы. Они завели переписку, вместе гуляли, делали друг другу визиты. В одном из писем В. А. Трубецкой говорилось: «Мы лично ближе узнали друг друга, и то чувство, которое могло бы нас разъединить, нас сблизило, мы соединились на хорошем высоком и чистом чувстве, и я верю, что наше с вами сближение глубоко» [12, л. 1—1 об.]. Трубецкая лукавила. Суть ее стратегии, хорошо известной светскому обществу, раскрыта в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Столкнувшись с конкуренцией в личной жизни, надлежало не устраивать скандалов, но попытаться обнаружить слабости противника и, выждав подходящую минуту, выставить их напоказ. Иначе говоря, «стряхнуть блески», которыми соперник «ослепляет глаза» любимого человека [5]. По-видимому, в данном случае метод дискредитации соперницы не сработал. Несколько лет противо-

стояния не принесли победы ни одной из сторон: Е. Н. Трубецкой не бросил жену и продолжал бывать у М. К. Морозовой. Переписка между женщинами была оборвана, их встречи прекратились [12, л. 24—25 об.]. Классический любовный «треугольник» расставил всех по местам.

Рассматривая интимные чувства как двигатель отношений покровительства, нельзя ограничиться обзором одних гетеросексуальных связей. В некоторых российских (как, впрочем, и европейских) салонах процветала однополая любовь. В качестве образца можно привести салон князя В. П. Мещерского.

Видную роль в нем играли «духовные сыновья», любимцы Мещерского (И. И. Колышко, Н. Ф. Бурдуков, И. Ф. Манасевич-Мануйлов и другие). Как известно, понятие «духовного» родства связано с обрядом крещения. «Духовным» называли крестного отца, возлагавшего на себя попечение о крестнике. Разумеется, В. П. Мещерский не крестил своих «сыновей», однако использование данного смыслового кода подчеркивало существование тесной связи между ними. В дневниках и мемуарах современников неоднократно звучала мысль, что эта связь носила интимный характер.

Мещерский много протезировал своим партнерам. Широкую известность получила история с трубачом (капельмейстером). В середине 1880-х гг. по Петербургу поползли слухи, что солдат из лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона попал в поле зрения князя Мещерского и стал его любовником. Эти слухи находят косвенное подтверждение в переписке хозяина салона. Так, в одном из писем, адресованных вице-директору Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Н. А. Ермакову, Мещерский писал: «...решаюсь или, вернее, позволяю себе решиться Вас просить убедительно, в качестве Дир(ектора) Деп(артамен)та и влиятельного лица при М(инист)ре Финансов, сделать счастливым одного маленького человека, лишенного претензий; человек этот капельмейстер в Императ(орской) Фамилии Стрелковом батальоне... Военное начальство согласно ему дать Станислава 3 степени, но для этого надо, чтобы представление пошло в виде ходатайства от Начальства Выставки, то есть от М(инистерст)ва Финансов к Военному Министру.

Если есть малейшая возможность, окажите эту услугу!

Ваш сердечно В. Мещерский

Фамилия капельмейстера Пабуда» [14, л. 13—14].

Настойчивые просьбы о награде для простого капельмейстера, звучавшие из уст рафинированного аристократа В. П. Мещерского, не могли не насторожить военное начальство. Командир батальона граф Ф. Э. Келлер узнал о связи, наказал капельмейстера и запретил ему видаться с Мещерским. В ответ газета Мещерского «Гражданин» стала пускать в Келлера ядовитые стрелы, добиваясь его отставки. 7 сентября 1887 г. Ф. Э. Келлер был уволен в 8-месячный отпуск с отчислением от командования батальоном [2, с. 141]. Дело вышло на поверхность, и светские сплетники получили повод смаковать пикантные детали. Пересуды о «постыдной страсти» доставили В. П. Мещерскому много беспокойства.

«Духовные сыновья» пользовались безоговорочной поддержкой князя Мещерского. Он остро реагировал даже на маленькие знаки невнимания к ним. Внутренний нажим сказался на служебном росте и финансовом состоянии

«духовных сыновей». Примером может послужить история отставного офицера Иосифа Колышко. Он попал в ряды авторов «Гражданина», где приобрел известность под псевдонимом «Серенький». Впрочем, журналистская стезя не давала Колышко достаточных средств, и Мещерский взялся подыскать ему доходную и необременительную службу, а до той поры, чтобы младший партнер ни в чем не нуждался, содержал его на свой счет. Об этом любопытном факте повествует письмо Мещерского Витте: «С попыткою себя облегчить я снова решился к Вам обратиться с просьбою устроить обеспеченное несчастному Колышке положение на частной службе, дабы легче мне стало жить, так как на мне лежит долг чести его обеспечивать, и я ежегодно ему плачу 6000 рублей. Вы вошли по-видимому в мое положение и обещали устроить судьбу Колышки: но, увы, и тут мне не повезло, ибо Колышко получил 2000 рублей в год, и следовательно на мне осталось обязательство ему доплачивать 4000 рублей ежегодно» [15, л. 1 об.].

Хотя Мещерский ссылаясь на «долг чести», обязывавший содержать Колышко, Витте разглядел за этим «долгом» интимную связь: в «Воспоминаниях» он причислил Колышко к группе молодых людей, сблизившихся с Мещерским «на почве противоестественных грязных страстей» [8, с. 266]. Впрочем, это обстоятельство не помешало Витте содействовать карьере Колышко, получившего должность чиновника особых поручений при министре путей сообщения.

Другой «духовный сын», Н. Ф. Бурдуков, жил у Мещерского и унаследовал его недвижимое имущество, стоимость которого к моменту вступления в права оценивалась в 105 500 руб. Пользуясь своим влиянием, Мещерский определил Бурдукова на службу поближе к толкотне министерских приемных. В письме от 12 мая 1904 г. издатель «Гражданина» уговаривал В. К. Плеве сделать «глубоко сердечного», «чистого», «честного» и «деликатного» Бурдукова чиновником особых поручений при Министре внутренних дел [6, л. 27]. Убийство Плеве никак не повлияло на планы пристроить Бурдукова к теплоте местечку. Князь обратился к П. Д. Святополк-Мирскому с той же просьбой: «Я прошу С. Ю. Витте взять на себя перед Вами ходатайство за судьбу некоего Бурдукова, подвешенную на нитке в минуту смерти Плеве. Витте Бурдукова хорошо знает — это... способный и верный человек» [7, л. 8 об.].

Назойливая протекция Мещерского помогла Бурдукову сделать быструю карьеру. В короткое время Бурдуков дослужился до действительного статского советника, стал камергером и получил три тысячи рублей ежегодной пенсии. Таким образом, протекция издателя «Гражданина» заставила многих влиятельных лиц действовать во благо «духовных сыновей», порой им лично незнакомых или неприятных. История взаимоотношений Мещерского и его молодых друзей убеждает в том, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий.

Подведем итоги. Внебрачная любовь не роняла человека в глазах светского общества, при условии, что он воздерживался от демонстративных жестов и не допускал обнаружения доказательств супружеской измены (или, как в случае «духовных сыновей», нетрадиционной сексуальной ориентации). При этом мужчинам прощалось много больше, чем женщинам.

Интимное покровительство позволяло людям, лишенным блестящих родственных связей, найти опору в сильном человеке. Старшим партнером в этих отношениях, независимо от пола, выступал тот, кто обладал большими ресурсами. Финансирование нужд младшего партнера встречалось достаточно часто, хотя далеко не в каждом случае позволительно говорить о корыстной любви.

Внебрачные связи открывали новые возможности для строительства карьеры, что подтверждается примерами В. Д. Мартынова, Т. С. Любатович или «духовных сыновей». В то же время, принимая помощь, человек рисковал оказаться заложником своей репутации. Упоминая о нем, современники, как правило, указывали на его близость к старшему партнеру. При желании это позволяло дискредитировать человека, изобразить его «приживалкой», прячущейся в тени покровителя и всем обязанной ему.

Библиографический список

1. Богданович А. В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с.
2. Богданович Е. В. Стрелки императорской фамилии : ист. очерк. СПб. : Тип. Р. Голике, 1899. 183 с.
3. Вацуро В. Э. Избранные труды. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 823 с.
4. Голицын М. В. Мои воспоминания (1873—1917). М. : Жизнь и мысль, 2007. 768 с.
5. Гончаров И. А. Обыкновенная история : роман : в 2 ч. // Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. 469 с.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 904. (В. П. Мещерский — В. К. Плеве). Далее: ГАРФ.
7. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Ед. хр. 1086. (В. П. Мещерский — П. Д. Святополк-Мирскому).
8. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб. : Д. Буланин, 2003. Т. 1, кн. 1. 521 с.
9. Мещерский В. П. Женщины петербургского большого света : оригинальный роман : в 3 ч. СПб. : Тип. В. П. Мещерского, 1879. Ч. 2. 462 с.
10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 171. Карт. 6. Ед. хр. 1. (Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой). Далее: НИОР РГБ.
11. НИОР РГБ. Ф. 171. Карт. 3. Ед. хр. 3. (М. К. Морозова — Е. Н. Трубецкому).
12. НИОР РГБ. Ф. 171. Карт. 2. Ед. хр. 35. (В. А. Трубецкая — М. К. Морозовой).
13. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : Центрполиграф, 2005. Т. 2 : 1887—1892. 640 с.
14. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 1097. Л. 13—14. (В. П. Мещерский — Н. А. Ермакову).
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Ед. хр. 449. (В. П. Мещерский — С. Ю. Витте).
16. Соллогуб В. А. Повести ; Воспоминания. Л. : Худ. лит., 1988. 720 с.
17. Щербатов С. Художник в ушедшей России. М. : Согласие, 2000. 686 с.
18. Ясновидящая (Ростопчина Е. П.). Очерки большого света. СПб. : Тип. К. Неймана, 1839. 207 с.